

- лок глаза' (*шинча* 'глаз' + *ошо* 'белок'); *шинчанун* 'ресницы' (*шинча* 'глаз' + *нун* 'волосок' и т.д.);
- 2) ветеринарные: *водар нуалме* 'воспаление молочной железы (мастит)' (*водар* 'вымя' + *нуалме* причастие от глагола *нуалаш* 'опухать'); *йылме мучаш* 'кончик языка (у домашних животных)' (*йылме* 'язык' + *мучаш* 'конец'); *йошкар чер* 'рожа свиней или краснуха' (*йошкар* 'красный' + *чер* 'болезнь'); *тунрүдө* 'хребет' (*тун* 'спина' + *рүдө* 'центр') и т.д.;
- 3) термины животного мира: *иккүчан* 'однокопытные' (*ик* 'один' + *күч* 'копыто'); *кайык лудо* 'дикая утка' (*кайык* 'дикий' + *лудо* 'утка'); *кайык комбо* 'дикий гусь' (*кайык* 'дикий' + *комбо* 'гусь'); *нур тага* 'полевой баран' (*нур* 'поле, безлесное пространство' + *тага* 'баран'); *кужу пылыш* 'длинные уши' (*кужу* 'длинный' + *пылыш* 'ухо'); *күчык поч* 'короткий хвост' (*күчык* 'короткий' + *поч* 'хвост'); *тореш ёри* 'поперечные усы' (*тореш* 'поперек' + *ёри* 'усы'), где переводы последних четырех наименований являются дословными и обозначают в переносном значении 'зайца' и мн.др.;
- 4) природные явления и их ресурсы: *вүдшинча*, *памашинча*, *эфершинча* 'исток, источник (речки, ключа)' (*вүд* 'вода' + *шинча* 'глаз'; *памаш* 'родник' + *шинча* 'глаз'; *эфер* 'река' + *шинча* 'глаз'); *кече лекмаш* 'восход солнца' (*кече* 'солнце' + *лекмаш* существительное от глагола *лекташ* 'выходить, выйти'); аналогично *кече шичмаш* 'заход солнца' (*кече* 'солнце' + *шичмаш* существительное от глагола *шинчаш* 'садиться, сесть'); *курук вуй* 'вершина горы' (*курук* 'гора' + *вуй* 'голова'); *теһыз лук* 'морской изгиб, поворот' (*теһыз* 'море' + *лук* 'изгиб, поворот') и т.д.;
- 5) растительный мир: *мүйшудо* 'клевер и другие травянистые растения с обильным содержанием нектара' (*мүй* 'мед' + *шудо* 'трава'); *ошпопго* 'белый гриб' (краткая форма прилагательного *ошо* 'белый' + *попго* 'гриб'); *пиййылме* 'подорожник' (*пий* 'собака' + *йылме* 'язык'); *шуанвондо* 'шиповник' (прилагательное от *шу* 'щетина' + *вондо* 'куст; низкорослое, древовидное растение с ветвями') и т.д.

Кроме вышеуказанных наименований метафора послужила образованию терминов, связанных с бытовой жизнью, с верой, обычаями и традициями марийского народа, а также терминов родства. Последние в трудах В.М. Васильева занимают значительное место в неопубликованном его труде "Родство и свойство в представлениях марийского народа" (1948).

Ариадна КУЗНЕЦОВА

Москва

Дефектные парадигмы в некоторых уральских языках

В ряде финно-угорских языков, имеющих системы склонения и спряжения, встречаются парадигмы, в которых отсутствует одна или несколько форм (иначе говоря, — в них есть пустые клетки). Подобные парадигмы принято называть неполными или дефектными. Они бывают и у существительных, и у местоимений, и у глаголов. Причины дефектности могут быть как формального свойства, так и смыслового. Например, в селькупском языке зафиксированы случаи отрыва от парадигмы некоторых существительных в форме *Transl.*, которые утратили аффикс *Gen.* (сочетание *-yt*) и адвербиализовались, оставшись вне парадигмы и превратившись в результате сочетания их с определенными словами в идиоматические выражения: *apsqo* (<*apsytaqo*) *qintuqo* 'голодать' (букв. 'едой умереть').

Появление неполных парадигм нередко объяснимо семантикой слова в силу ограничений разного рода, например, чего-то нельзя сказать о себе самом, что-то можно

сказать только о явлениях природы или о частях тела (обычно в наст. и прош. времени в един. числе). В одних случаях глаголы с дефектными парадигмами являются безличными, в других употребляются в двусоставном предложении, но только в 3 лице. В отношении предложений такого типа часто говорят, что в них косвенно присутствует указание на причину явления, отражающего анимистические представления древних о действиях божеств, мифических деятелей, которые 'дождили, снежили' и т.д. 'Следы' 'скрытого субъекта', 'устраненного 3-го лица', как назвал его А.М. Пешковский, видны в таких предложениях, которые находятся на грани перехода от личных предложений к безличным: 'Термины «безличный» глагол и «безличное предложение» очень неточны, так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может... вдумываясь в значение безличных глаголов, мы все-таки откроем в них следы третьего лица. Как бы ни устранился из мысли в выражении *светает* деятель, производящий свет, он во всяком случае не является скрытым во мне или в человеке, с которым я говорю, а, напротив, может и должен быть открытым где-то вне нас обоих'.

Предложения подобного типа есть далеко не во всех финно-угорских языках, а там, где они есть, как в удмуртском, глагол-сказуемое в безличном предложении одновременно может употребляться с подлежащим в двусоставных предложениях при обозначении явлений природы: *зоре* (< *зорыны* 'дождить') = *куазь зоре* 'дойдет' (букв. 'погода дождит'); *сактэ* (< *сактыны* 'светать, рассветать') = *куазь сактэ* 'светает' (букв. '(природа) погода светает'). Подобные примеры свидетельствуют о том, что подлежащее не полностью устранено из мысли и речи говорящего, хотя в обоих случаях наличие дефектности парадигмы: с 1 и 2 лицами глаголы из данной семантической группы не встречаются. При передаче физического состояния человека также возможно безличное использование глагола, например: *монэ куалекъятэ / кезегъятэ* 'меня знобит' (от глагола *куалекъятыны / кезегъятыны* 'знобить, лихорадить, трясти'). Наряду с этим допустимо употребление глаголов в двусоставном предложении: *сое кезег куалекъятэ* 'его лихорадка трясет'; *со кезытэн кезегъятэ* (букв. 'он от холода дрожит / трясется'); *пель эсонгетэ* 'в ушах звенит' (от *эсонгетыны* 'звенеть, звучать'; букв. 'ухо звенит') и др. В отличие от группы слов, обозначающих явления природы, отдельные глаголы данной группы имеют и другое значение, как в выражении *ас тинальд понна куалекъяны* 'трястись над своим ребенком', в котором глагол может употребляться в 1 и 2 лицах.

Неполные глагольные парадигмы есть и во всех самодийских языках. Так, в селькупском языке часты глаголы в безличной форме (3 Sg и 3 Pl) в тех же семантических группах, которые упоминались для удмуртского языка, но, в отличие от удмуртского, иногда форма инфинитива в селькупском реально в текстах не встречалась ни разу, хотя могла быть легко реституирована: *cusa* (< *cusyqo*) 'болит' (*Qajal cusa?* 'что у тебя болит?').

Дефектность парадигмы наблюдается и в падежной системе. Она отмечается в селькупском языке у одушевленных существительных, которые не имеют формы *Ill.*, обычно обозначающего конечный пункт действия или выражающего обстоятельство места. От одушевленных существительных не образуются также *Loc.* и *El.* Значения, которые у неодушевленных существительных передаются с помощью *El.* и послелого, у одушевленных выражаются исключительно посредством послелога. Накладываются ограничения и на употребление в притяжательных конструкциях possessивных форм 3 л. с обладателем в *Gen.*

Для удмуртского языка характерна та же картина: одушевленные существительные не имеют семи форм из 15 (*Iness., Ill., Elat., Egress., Prol., All., Term.*).

Особенности падежного управления, таким образом, находятся в зависимости не только от основной, но и от дополнительной семантики глагола, а также от таких языковых категорий, как одушевленность / неодушевленность, притяжательность.